

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАТАЛИЯ ЛЕБИНА

ПАССАЖИРЫ КОЛБАСНОГО ПОЕЗДА

ЭТЮДЫ К КАРТИНЕ БЫТА РОССИЙСКОГО ГОРОДА: 1917 — 1991

Наталия Лебина

**Пассажиры колбасного
поезда. Этюды к картине быта
российского города: 1917-1991**

«НЛО»

Лебина Н.

Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917-1991 / Н. Лебина — «НЛО»,

ISBN 978-5-4448-1053-8

Новая книга известного историка Наталии Лебиной состоит из исследований-этюдов, на микро- и макроуровне описывающих все стороны повседневности советского горожанина: от питания до развлечений, от выбора одежды до интимной жизни, от заключения брака до похоронных обрядов.

Лейтмотив книги — специфическое развитие общецивилизационного процесса модернизации в советских условиях. Лебина пишет не только как исследователь, но и как свидетель эпохи: эпизоды из истории ее семьи выступают как примеры типичных ситуаций, в которые попадали советские обыватели.

ISBN 978-5-4448-1053-8

© Лебина Н.

© НЛО

Содержание

Историк и антропологический поворот: общее и сугубо частное	6
Акваланг	13
Бормотуха	24
Волосатик	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталия Лебина
Пассажиры колбасного
поезда Этюды к картине быта
российского города: 1917—1991

Внукам Тиме и Ване посвящается.

Может быть, когда-нибудь прочтут...

Историк и антропологический поворот: общее и сугубо частное

Сравнительно недавно я прочитала в LiveJournal следующие строки: «Суть в том, что никаких специфических „колбасных электричек“ в том СССР <...> не было. Миф о колбасных электричках в СССР возник уже после разгрома всего советского, он следствие специальной работы институтов пропаганды с человеческой памятью. Идеологи берут некоторый кусочек реальности из воспоминаний и навязчиво толкуют его в своих интересах... „Колбасные электрички“ – миф, их никогда не было в том виде, в котором нам их подают. Даже сам термин и знаменитый анекдот я в СССР никогда не слышал до перестройки»¹. А когда высказывания подобного рода я услышала и в публичных псевдопатриотических выступлениях, идея, структура и, главное, название новой книги о советском быте стали для меня очевидными.

Я попытаюсь представить обыденную жизнь как историко-социальное полотно, написанное, если так можно выразиться, в манере пуантилизма. Конечно, это метафора. Ведь «отдельными точечными мазками» (технический прием пуантилизма) будут являться небольшие самостоятельные тексты, которые я называю «этюдами». Их совокупность должна представить целостное изображение быта российского города в советскую эпоху. В качестве названий этюдов выступят возникшие в советской действительности или видоизменившиеся под ее влиянием слова и словосочетания. Это названия вещей, продуктов, социальных типов, явлений и институтов, существовавших в бытовом пространстве.

На первый взгляд может показаться, что моя новая книга, в которой материал – 27 этюдов – расположен в алфавитном порядке, – это вариант словаря². Но это не так. Мне представляется, что написание тематических словарных справочников, претендующих на воссоздание картины обыденной жизни конкретной исторической эпохи, – задача, которую можно осуществить лишь совместными усилиями профессионалов: историков и лингвистов. Именно поэтому я предпочла ныне написать по сути дела сборник статей (этюдов) о советском быте.

Выбор тематики в первую очередь определяется авторским дискурсом. Право на составление текстов по такому принципу в остроумной форме изложил известный лингвист и филолог Вадим Руднев. Он считает, что даже в словари можно включать «те слова и словосочетания, которые понятны и интересны нам самим»³. Конечно, мне, имеющей в своем научном арсенале достаточное количество исследовательских работ, посвященных разнообразным проблемам истории обыденности в рамках советской системы, нелегко представить читателю нечто совершенно новое. Некоторые сюжеты моей новой книги были частично затронуты в статьях и монографиях, опубликованных в 1982–2015 годах. Но в нынешнем тексте я попыталась показать необычные ракурсы изучения проблем повседневности. Так, в качестве знакового для жизни в СССР слова на букву «А» я выбрала не «аборт» – явление, над которым много размышляла и как исследователь, и как публикатор⁴, а «акваланг». Эта лексическая единица, появившаяся в русском языке в 1960-х годах, у меня ассоциируется с процессом изменения роли спорта в жизни советских людей. Интересным мне представилось и рассмотрение через оптику социальной истории существительного «шуба» в сочетании с прилагательным

¹ <https://aloban75.livejournal.com/1470409.html>. Дата обращения: 02.05.2018.

² Отсутствуют в книге по вполне понятным причинам слова и выражения на буквы Й, Ъ, Ь, Ы. Не привлекла мое внимание и буква Щ, так как знаковых лексических единиц, начинающихся с нее, мне обнаружить не удалось. Одновременно не захотелось приписывать «советскость» словам «щековина», «щелок», «щетка», «щи», «щипцы» и др., как это делают некоторые исследователи. Подробнее см.: Беловинский; Борисов.

³ Руднев 5.

⁴ Подробнее см.: Лебина 1999а; Лебина 1999; Лебина 2007а; Лебина 2014а; Лебина 2014б; Лебина 2015б.

«искусственная». В этом понятии можно разглядеть вестиментарный код распада установок «сталинского гламура» – бытовой составляющей большого стиля. Он, как известно, был основан на принципах навязчивой презентации роскоши и респектабельности, как в архитектуре, так и в одежде.

Анализ социально-бытового смысла аббревиатуры ЖАКТ позволяет с неожиданной стороны раскрыть проблематику обеспечения советских граждан жильем. В научном и общественном дискурсах сегодня превалирует точка зрения о преднамеренном закабалении городского населения посредством жилищной политики в СССР⁵. Отрицать это бессмысленно, тем более что разворачивающаяся ныне спешная реновация хрущевок в Москве – лишнее доказательство того, что власть манипулирует бытовыми проблемами населения в своих интересах. И тем не менее для понимания противоречивости характеристик советской повседневности следует знать, что в 1920–1980-х годах государство неоднократно предлагало способы решения «квартирного вопроса» за счет личной инициативы населения. Правда, контуры российской обыденности 1917–1991 годов, сформированные при отсутствии частной собственности и в идеологических тисках господства единой коммунистической идеологии, тормозили развитие индивидуальных начинаний.

Еще больше проблем в реконструкции картины советского быта, как в сфере науки, так и в области общественного сознания, позволяет выявить словосочетание «колбасный(ая) поезд (электричка)». Его существование в пространстве русского подцензурного языка зафиксировано филологами, отслеживавшими появление новых слов и выражений в 1990-х годах: «колбасными» назывались электропоезда, «на которых в период продовольственного дефицита в 1970–1980-е годы совершались поездки из провинции в Москву и другие крупные города за продуктами и за бывшей тогда дефицитной колбасой (публ. ирон.)»⁶. «Колбасные электрички» фигурируют и в ряде словарей советской повседневности⁷. Однако ни филологи, ни антропологи, ни даже историки не осмеливаются датировать возникновение на первый взгляд забавного вида транспорта для перевозки мясных изделий. Подобная ситуация и наводит на мысль о том, что «колбасные поезда» как некий символ товарного дефицита в СССР в 1970–1980-х годах – миф, созданный журналистами для очернения советской повседневности. Об этом и писал блогер в своем «Живом журнале». Конечно, в СССР никто умышленно не формировал спецсоставы для массовых закупок колбасных изделий в Москве и доставки их на периферию. Во всяком случае, пока документального подтверждения этих фактов, в отличие от существования в 1970–1980-х годах «лыжных стрел» – электричек для любителей зимнего спорта, – обнаружить не удалось⁸. Но реальностью можно считать саму идиому «колбасный(ая) поезд (электричка)», что легко подтвердить с помощью целого комплекса исторических источников. Например, фольклор эпохи Брежнева зафиксировал датированный 1979 годом анекдот, который вполне мог породить словосочетание, соединяющее продукт питания и средство передвижения: «Что такое: длинное, зеленое и пахнет колбасой? – Электричка из Москвы»⁹.

Изыскания фольклористов являются хотя и косвенным, но впечатляющим подтверждением целого ряда процессов, стремительно развивавшихся в советском быту 1970–1980-х годов. В первую очередь это продуктовый дефицит, связанный с деструктивными тенденциями в сельском хозяйстве. Информация о проблемах с продовольствием в городах СССР

⁵ Подробнее см.: Утехин; Меерович.

⁶ НСИЗ 2014 105.

⁷ Мокиенко, Никитина 252; Беловинский 285; Борисов 2:35.

⁸ Л. В. Беловинский не подвергает сомнению факт существования в 1970–1980-х годах дополнительных пригородных субботних и воскресных электропоездов в Москву из соседних областей. Более того, автор энциклопедического словаря советской повседневности без ссылок на источники информации смело утверждает: «Каждый секретарь обкома в условиях продовольственного дефицита считал для себя долгом и большой честью добиться такой дополнительной электрички» (Беловинский 285).

⁹ Штурман, Тиктин 76.

в эпоху брежневского застоя ныне не секрет¹⁰. Конечно, в это время голод советским людям не угрожал, но многих продуктов, и прежде всего мяса, явно не хватало. Не случайно ЦК КПСС и Совет министров СССР разработали в мае 1982 года «Продовольственную программу». Цель документа – в возможно короткие сроки, к 1990 году, решить проблему бесперебойного снабжения населения продуктами¹¹. Программа сразу стала предметом фольклорного творчества. Уже в 1982 году появились анекдоты: «Что будет в СССР после выполнения „Продовольственной программы“? – Всеобщая перепись оставшегося населения», «Новый лозунг: „Умрем с голоду, но „Продовольственную программу“ выполним“» и др.¹² Эти тексты – вполне надежное свидетельство дефицита продуктов питания в СССР уже в предперестроечное время. В 2002 году писатель Леонид Жуховицкий опубликовал в «Литературной газете» статью «Анекдот против статистики», где настоятельно рекомендовал «будущим историкам, специализирующимся на советской жизни, изучать не статистические таблицы, а анекдоты». «Истина – там!» – утверждал литератор¹³. Осмелюсь добавить – а нередко и в идиоматических выражениях.

Знаковым в контексте советских бытовых реалий является и то, что в названии «продуктовых» поездов фигурирует прилагательное «колбасный(ая)», а не «мясной(ая)». Объяснить это можно переменами в структуре питания в результате увеличения численности городского населения. У горожан традиционно отличные от селян пищевые ориентиры, но в СССР к специфике городской культуры еды уже в 1960-х годах прибавился феномен некоего «извращенного вкуса», порожденный нарастающим дефицитом. Определенные продукты превратились в неофициальные, но устойчивые маркеры положения человека в системе социальных связей. Касалось это и мясных деликатесов. Искусствовед Михаил Герман уже в начале 1960-х годов поразило «невиданное барство» его московских родственников – партийных чиновников среднего уровня. В их доме в избытке были уже малодоступные обычным людям продукты. При этом за столом, по воспоминаниям Германа, все «накладывали себе на тарелку толстые ломти карбоната, ветчины, дорогих колбас, сыра и лопали их, заедая тонкими ломтями хлеба с маслом»¹⁴. Такая еда не соответствовала принципам здорового питания, но демонстрировала принадлежность либо к номенклатуре, либо к клану торговых работников. На рубеже 1970–1980-х годов «престижность» потребления колбасы – не слишком полезного продукта – достигла апогея. И это аккумулировала в себе идиома «колбасная электричка».

Забавное выражение, благодаря наличию в нем существительного, означающего название транспортного средства, свидетельствовало и об особой стратегии выживания советских людей. Она основывалась на идее самообеспечения, которое можно было реализовать, в частности, посредством поездок. В эпоху Гражданской войны появился феномен «мешочничества». Тогда горожане в теплушках выезжали на периферию менять вещи на продукты. Советские курортники всегда везли с юга недоступные горожанам средней полосы и Севера фрукты и овощи. Помогали выживать в условиях дефицита и поезда, перевозившие «челноков» эпохи горбачевской перестройки. Кроме Москвы и Ленинграда, а также столиц союзных республик «заповедными» местами, где относительно свободно продавалось прежде всего мясо, были и города закрытого типа. Такие научно-производственные поселения вошли в советскую послевоенную историю под названием ЗАТО (закрытое административно-территориальное образование). Наукограды, где исследовательские лаборатории входили в крупные производственные

¹⁰ Подробнее см.: Шубин.

¹¹ Подробнее см.: Продовольственная программа.

¹² Мельниченко 551–552.

¹³ ЛГ 2002 6.

¹⁴ Герман 2001 339.

структуры, представляли собой модель идеальной жизни в государстве Советов¹⁵. Жительница одного из таких уральских ЗАТО свидетельствовала: «Нам казалось, что мы живем уже при коммунизме. В магазинах было все – от крабов до черной икры»¹⁶. Кроме постоянных жителей «отовариться» в ЗАТО могли люди, командированные на секретные объекты. Горьковский инженер, начальник расчетного бюро тогдашнего секретного научно-конструкторского учреждения ПНО ГАЗ Владилен Денисов рассказывал о внезапном «счастье», свалившемся на него в одной из командировок на Урал. Попав в годы застоя в закрытый город – Новоуральск, он смог привезти домой, в Горький, 2 кг шашлыка¹⁷! В данном случае дефицит был доставлен самолетом, а не «колбасной электричкой».

Эпизод из воспоминаний нижегородца подчеркивает идиоматический характер выражения «колбасный поезд», запечатлевшего специфику снабжения и шопинга в последние 20–25 лет существования советской власти. В стране не хватало не только продовольствия, но промышленных товаров, что усугублялось нелепостями системы планирования. В небольшие городки и поселки городского типа часто завозили совершенно не востребованные там предметы одежды и обуви. Эту диспропорцию зафиксировала художественная литература 1970-х годов, например роман Виля Липатова «И это все о нем» (1974). Небольшой полудеревенский магазинчик в сибирской глубинке поразил героя липатовской книги небывалым изобилием: «В Сосновском орсовском магазине на нестроганных прилавках лежит весь мир <...> Коричневая кофточка <...> была изготовлена во Франции, голубая курточка с восхитительными замками и висюльками приплыла в поселок из Японии, нейлоновые рубашки были упакованы в Югославии, мужские плащи были с чешскими этикетками; чулки лежали итальянские, термосы – индийские, детские гольфы – болгарские <...> В Сосновку, в Сосновку, городские модницы! За <...> лаковыми высокими сапогами, для которых в Сосновке нет асфальта <...> Здесь носят отечественные резиновые и кирзовые сапоги, курткам с замками и висюльками пока предпочитают телогрейки»¹⁸. Неудивительно, что жители крупных городов из командировок на периферию везли разные вещи, которые, конечно, поступали в торговые сети мегаполисов, но очень быстро там раскупались <...> Так, самолеты и поезда дальнего следования становились разновидностью «колбасных электричек». В общем, если назвать один из этюдов к картине советского быта «Колбасный поезд», я бы дала этой части книги следующий подзаголовок: «Идиомы и анекдоты как источник по истории эпохи застоя». Исследователя не должно пугать отсутствие понятия «колбасная(ый) электричка (поезд)» в словарях неологизмов брежневского периода истории СССР. Экзотическое словосочетание намекало на странности советской повседневности и, конечно, не встречалось в подцензурной лексике.

Сюжет с «колбасной электричкой» введен мною в предисловие не только потому, что я хочу прояснить смысл ряда мифов о специфике советского быта и не слишком скучно рассказать читателям об использовании фольклора в качестве исторического источника. Есть у моего нового текста и «сквозная задача». Вернее сказать, следуя алгоритму, предложенному когда-то Константином Станиславским, я должна осуществить некое «сквозное действие», чтобы решить главную задачу текста и ответить на вопрос, каким все же было советское общество: традиционным или современным (модерным). Сквозным же действием будет приобщение историка-традиционалиста к «антропологическому повороту» в гуманитарном знании.

Сам термин «антропологический поворот» пока еще остается в российском интеллектуальном пространстве предметом научных споров. Именно так я расцениваю дискуссию на страницах 113-го номера журнала «Новое литературное обозрение». На моей памяти иссле-

¹⁵ О жизни в ЗАТО подробнее см.: Мельникова.

¹⁶ Раскрывая первые страницы 27.

¹⁷ Нетрадиционная продукция 81.

¹⁸ Липатов 1976 150.

дователя-историка, начавшего свой профессиональный путь на рубеже 1960–1970-х годов, проходили бурные дискуссии – правда, в рамках единой и единственной на то время методологии, – о том, каково историческое наполнение понятия «культурно-технический уровень рабочего класса». Историки из всех сил пытались найти инструменты влияния рабочих на создание произведений литературы и искусства. Теоретики продуцировали слоганы, которые с трудом увязывались с жизненными реалиями и прошлого, и текущего момента. В качестве примера приведу идеи «развитого социализма» и «союза труда и науки». В 1980–1990-х годах отечественные гуманитарии темпераментно обсуждали проблемы ментальности, активно генерируя разнообразные определения этого термина. Затем дискуссия развернулась по поводу общего и особенного в понятиях «история ментальности» и «историческая антропология»¹⁹. Однако понятийные споры не приносят должного результата. Не антропологизуют прошлое и новые, не совсем обычные для отечественных историков темы исследования. Так произошло с книгой Сергея Журавлева и Юкки Гронова «Мода по плану»²⁰.

Журавлев – сотрудник Института Российской истории РАН – совершил научный подвиг. Известно, что академическая тяжеловесность не позволяет отечественным ученым, специализирующимся, в частности, в области гражданской истории России XX века, выходить за рамки традиционных представлений об «истинно научных темах» и заниматься изучением социального феномена моды в историческом контексте. Журавлеву и Гронову удалось выстроить академическую модель развития советской модной индустрии. Их книга – аналитическое, хорошо фундированное повествование об административно-организационной стороне моделирования одежды в СССР. Но «антропологический след» в тексте отсутствует, что во многом объясняется спецификой источниковой базы исследования: обилием нормативных и делопроизводственных документов моделирующих организаций.

Конечно, и источники такого рода можно при желании «очеловечить». В моей исследовательской практике было достаточно подобных ситуаций. Так, ценные сведения именно антропологического, связанного с поведением и эмоциями людей, характера удалось обнаружить в сугубо официальных бумагах – протоколах заседаний комиссии при подотделе благоустройства отдела коммунального хозяйства Ленсовета в конце 1924 – середине 1925 года. Члены комиссии, в том числе представители научной и художественной интеллигенции, вынужденно обсуждали бредовую идею постановки на Александровскую колонну в центре Дворцовой площади фигуры Ленина²¹. Стенограммы заседаний комиссии – внешне формальные документы государственной организации (Ленсовета) – дают представление о практиках выживания «спецов» в условиях идеологического диктата большевиков. Иронические предложения интеллектуалов обрядить фигуру Ленина в тогу, а красноармейцев «в ампирные одежды» – документальное свидетельство накала эмоций в сфере культуры в середине 1920-х годов.

Антропологический след можно обнаружить и в официальных, поддающихся формализации документах. Пример – так называемые «мебельные дела». Они формировались в 1918–1922 годах в ходе «квартирного или жилищного передела» (подробнее см. «Уплотнение»). Сочетание четких анкет с сугубо индивидуализированными заявлениями и жалобами позволяет понять, что чувствовали люди, терявшие и обретавшие материальные знаки социального благополучия – квартиры и мебель. «Мебельные дела» – репрезентативные материалы для изучения антропологии классовой ненависти.

И все же традиционно считается, что детали быта лучше всего отражены в текстах личного происхождения, с характерной для них повествовательностью. Они не только констатируют факты, но и передают индивидуальный подход автора к событиям и явлениям,

¹⁹ Подробнее см.: Кром 2006.

²⁰ Журавлев, Гронов.

²¹ Подробнее см.: Лебина 2017.

а также разнообразные эмоции. Эти качества во многом присущи произведениям художественной литературы, написанным во время или сразу после определенных исторических событий. Историки давно и многократно обсуждали ценность такого нарратива для реконструкции прошлого. Лев Гумилев, например, отмечал: «Каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи. Содержанием такого факта являются его смысл, направленность и настроенность, причем вымысел играет роль обязательного приема»²².

Я буду часто использовать художественные произведения, прозу и поэзию, созданные в советское время представителями разных литературных направлений. Писатели – современники описываемых событий, придерживавшиеся реалистического метода, – «по умолчанию» были точны в передаче именно деталей быта. Достоверность художественной литературы подтверждается и тем, что одни и те же бытовые факты зафиксированы и у явных апологетов коммунистической власти, и у литераторов-диссидентов, и у тех, кто смог найти золотую середину в изображении советской действительности. Одновременно в книге будут встречаться и отсылки к привычным эгодокументам: дневникам, письмам, воспоминаниям, как опубликованным, так и извлеченным из архивов.

Целенаправленное аналитическое чтение разнообразных исторических источников сформировало авторский дискурс. Однако не меньшее влияние на него оказал и опыт собственной обычной жизни человека, «рожденного в СССР». Мои родственники и я много чего повидали за 74 года советской власти. Среди нас были люди, создавшие свой капитал и потерявшие его после революции, были те, кого «сажали», и те, кто «сажал», были ушедшие в мир иной в почтенном возрасте и благополучии, и те, кто в разочаровании выбрал путь физического самоуничтожения. Предки поселились в Петербурге на рубеже XIX–XX веков. В семье уже пять коренных городских поколений. Представители трех из них родились и выросли в советской действительности. Перемены, которые принесла революция 1917 года, выпали и на долю моих родных. Они познали горечь несбывшихся надежд эпохи нэпа, испытали трудности довоенных пятилеток, Финской кампании, блокады и Ленинградского фронта. Вместе с ними я соприкоснулась с нуждой обыденной жизни «воинов-победителей», восторгами и разочарованиями времени десталинизации. И старшее, и среднее, и молодое поколение нашей среднecультурной питерской семьи не впади в психоз «вещизма», в искус диссидентства и в соблазн «исхода» в годы брежневско-романовского застоя. Мы преодолели проблемы перестроечного времени и нашли смысл существования в новых реалиях развития российского общества. Я не стыжусь обыкновенности моей семьи. Мы действительно питерские обыватели.

Несмотря на превратности судьбы, революции и войны, в нашем доме сохранился некий «фонд» личных документов. Это трудовые книжки и удостоверения личности, всякого рода благодарственные грамоты 1920–1940-х годов, принадлежавшие моим бабушкам и дедушкам; это семейные письма Великой Отечественной войны и мирного времени; это даже детские записки, которые отправлял мой сын из пионерского лагеря во второй половине 1980-х, и, конечно, фотографии. Но до настоящего времени никто из моих близких не посчитал возможным использовать неоспоримое преимущество старости – право писать мемуары, что стало особенно популярно в контексте всеобщей компьютеризации населения. Профессор Университета Тампере Ирина Савкина справедливо охарактеризовала эту ситуацию сегодняшнего времени: «Вопрос о том, кто имеет право на автобиографию и другие формы публичной саморепрезентации, который в былые времена так смущал бравшихся за перо, уходит в вечность

²² Гумилев 76.

вместе с этим самым „вечным пером“. Во времена, когда „наш бог – блог“, ответ на этот вопрос очевиден: таким правом и возможностью наделен каждый»²³.

Действительно, вспоминают ныне многие, но... Как профессиональный историк я прекрасно понимаю, что ценность материалов персонального происхождения зависит или от масштаба личности, решившей поведать о себе в потоке времени, или от причастности мемуариста к неординарным событиям. В моем случае нет ни того ни другого, и все же я хочу включить в эту книгу мои личные впечатления о советском быте. Однако, чтобы не погрязнуть в мелочах, интересных лишь для себя и узкого круга знакомых, я буду комментировать исследовательский текст об истории повседневности личными и семейными воспоминаниями. Кстати сказать, это позволит приблизиться к методикам антропологического исследования повседневности, в числе которых – так называемая микроистория. Отчасти причиной включения в исследовательский текст собственных мемуаров стала позиция некоторых специалистов по социальной истории, которые неоднократно отмечали, что необходимо писать об истории повседневности с позиций собственного эмоционального восприятия предметного мира прошлого²⁴. Воспоминания – самая удобная и в то же время безопасная форма реализации этой идеи, хотя для создания серьезной мемуаристики прежде всего необходим талант. А он как деньги: есть – есть, а нет – значит, нет. Впрочем, и здесь могут прийти на помощь профессиональные навыки и знания. В 1930-х годах работники Истпарта (научно-исследовательского учреждения) провели несколько вечеров воспоминаний участников обороны Петрограда в годы Гражданской войны. Это были мемуарные выступления на заданную тему и по определенным опросникам, подготовленным историками²⁵. Конечно, стенограммы вечеров необходимо подвергать верификации, как любые другие источники, но заданность темы явно дисциплинировала мысль мемуаристов. Так будет и в моем случае. А конкретность предмета воспоминаний провоцирует, казалось бы, совершенно неожиданные ассоциации. Но ведь они, как подчеркивал Константин Паустовский, «теснейшим образом участвуют в творчестве»²⁶. Осмелюсь уточнить – как в литературном, так и в научном.

Написанная в двух жанрах – исторического исследования и воспоминаний, – моя новая книга представляется достаточно рискованным экспериментом. Однако надеюсь, что обилие в этюдах фактического материала, извлеченного из самых разнообразных и достаточно традиционных источников, защитит меня от агрессивных критиков. А присутствие личных сюжетов позволит парировать нападки тех оппонентов, которые по поводу исследований сравнительно недавнего прошлого всегда заявляют: «Обычные люди так не жили!» Жили! И выражение «колбасный поезд» вполне может быть метафорой для описания реалий быта среднего советского горожанина.

²³ Савкина 137.

²⁴ Подробнее см.: Пушкарева.

²⁵ Подробнее см.: Смолин.

²⁶ Паустовский 1957 2:634.

Акваланг

Любительский спорт: от гражданской обязанности к модному стилю поведения

Слово «акваланг» – название торговой марки, фирмы по производству оборудования и снаряжения для подводного плавания. Вероятно, именно поэтому оно отсутствует в «Энциклопедическом словаре российской повседневности XX века», составленном Сергеем Борисовым. Леонид Беловинский, по-видимому желая избежать претензий, связанных с некорректностью использования понятия «акваланг» в русском языке, включил в лексикон советской повседневности лишь термин «аквалангисты». Так он именует подводных пловцов, использующих «ласты и специальные аппараты для дыхания под водой»²⁷. Человечество и до изобретения аквалангов, и параллельно с ними имело приспособления для относительно длительного нахождения в подводном пространстве. Однако скафандр, например, для использования требует коллективных усилий. Конструкция же акваланга изначально подразумевала некую автономность в применении. Неудивительно, что именно этот аппарат, а не традиционное снаряжение водолазов, стал фигурировать в сфере быта и досуга.

Научно-популярную информацию об аквалангистах советский человек смог получить почти одновременно с разоблачением культа личности Сталина: в 1956 году в журнале «Юность» был опубликован перевод книги французских исследователей мирового океана Жак-Ива Кусто и Фредерика Дюма «В мире безмолвия». Текст книги по причине нежного возраста (восемь лет) я осилить не смогла. Но в 1957 году на советских киноэкранах появился снятый годом раньше документальный фильм Кусто «В мире безмолвия». Его я смотрела три раза. Впечатление было ошеломляющим. Мне кажется, что основные знания о подводном мире, во всяком случае о гигантских скатах мантах и о страшной рыбе мурене, я получила из фильма Кусто. Но пока это выглядело как чудо – свободный человек в подводном мире. К середине же 1960-х ситуация изменилась. Реалии «мира безмолвия» стали частью советской повседневности. Это произошло отчасти и благодаря советскому кино. Сильное впечатление на советских людей произвели блестящие подводные съемки в фильме Геннадия Казанского и Владимира Чеботарева «Человек-амфибия», снятом по одноименному роману Александра Беляева. В 1961 году кинокартина вышла на экраны кинотеатров СССР. Роль Ихтиандра сыграл артист Владимир Коренев, а главную женскую роль, Гуттиэре, – совсем юная Анастасия Вертинская. Фильм имел огромный успех. Девушки стали носить широкие юбки а-ля Гуттиэре. Но наибольшую известность «Человеку-амфибии» принесла песня композитора Андрея Петрова на слова Соломона Фогельсона «Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно...». Под нее танцевали и дома, и на танцплощадках модный тогда чарльстон, ее распевали в поездах под гитару. И, как ни странно, идеологические структуры относились к этому довольно спокойно. Ведь в фильме с помощью этой песенки показывали «буржуазный мир». В середине 1960-х годов под влиянием обаяния киногероя Коренева первых советских аквалангистов стали «ихтиандровцами»²⁸. Это совсем забытое ныне слово использовалось для обозначения людей, увлекавшихся подводным плаванием, которое именно в это время стало прочно входить в досуг советских людей. Журнал «Наука и жизнь» в 1965 году отмечал: «Всего восемь лет назад появились в нашей стране первые аквалангисты, а сейчас подводников можно встретить в любом море,

²⁷ Беловинский 21.

²⁸ НСИЗ 1971 195.

реке, водохранилище»²⁹. Подводным плаванием, как писали советские газеты, уже занимались 13-летние подростки. Правда, использовали они не акваланг, а так называемый «комплект № 1 для ныряния и подводной охоты»: ласты, маску и трубку³⁰.

Юный «аквалангист». 1960-е. Личный архив Н. Г. Снетковой

²⁹ Наука и жизнь 1965 8.

³⁰ Советский спорт.

И все же можно констатировать, что в годы оттепели советские люди приобщились к ранее малоизвестному виду спорта. И это было не просто соревнование на выносливость при погружении в воду, как в годы сталинизма, у спортсменов-водолазов. Это было еще и любование причудливым подводным миром, некий прорыв в неизвестность. Изначально советские «ихтиандровцы» пытались в условиях «дикого» отдыха с помощью новых технических средств обеспечить себя едой. Академик Евгений Велихов вспоминал о лете, которое они с женой провели на рубеже 1950–1960-х годов в Судак: «Мы <...> приехали с палаткой, снаряжением для подводной охоты и ограниченными финансами <...> Палатку бросали на целый день. Пили в основном очень дешевое шампанское „брют“ с завода (завод шампанских вин в Новом Свете. – Н. Л.). <...> Варили лапшу и охотились. Вожаком была кефаль, но охота на нее была нелегким делом <...> Большая рыба прячется в пещерах на дне. Нужно было нырнуть метров на 10–12 и заглянуть в пещеру»³¹. С той же «продовольственной» целью ныряли на Рижском взморье и другие юные бунтари начала 1960-х годов, герои повести Василия Аксенова «Звездный билет» (1961):

Юрка плыл под водой. Он дышал через трубку и смотрел вниз – песчаное и словно гофрированное дно. <...> Внизу шмыгнула стайка мелочи покрупнее.

«Тюлька, – подумал Юрка. – Четыре рубля килограмм».

Но постепенно красота непривычного мира завораживала:

Дно было совершенно чистое: ни кустика, ни камушка. Черта с два подстрелишь на таком дне! <...> Юрка посмотрел вверх. Там все сияло ярко и вызывающе. Здесь был другой, мягкий и вкрадчивый, мир. Юрка чувствовал все свое тело, легко проникшее в этот чужой мир. Он чувствовал себя гордым и мощным, как никогда, представителем воздуха и земли в этой иной стихии³².

Советский кинематограф 1960-х годов также зафиксировал новшество. В кинокомедии «Три плюс два», снятой в 1963 году по мотивам пьесы Сергея Михалкова «Дикари», три убежденных холостяка, отдыхая на Черноморском побережье, тоже плавают с маской и ластами. Итак, технические приспособления для дыхания под водой, ранее профессиональные, становятся частью повседневности. Одновременно снижается характерный для советского общества 1920–1950-х годов социальный пафос спортивных занятий: постепенно они превращаются из гражданской обязанности в форму модного поведения, что было нереально в эпоху сталинизма.

Ко времени смерти Сталина в советском культурно-бытовом пространстве завершилось формирование большого стиля. Его визуальные репрезентации нашли отражение в архитектуре, а также в живописи и скульптуре, пропагандировавших особую агрессивно-монументальную стилистику телесности. Ее развитию способствовал официальный спорт. Власть рассматривала его как инструмент целенаправленного воспитания нового человека, готового к созидательному, чаще всего тяжелому физическому труду и, как отмечалось уже в 1919 году, в решениях II съезда комсомола, к «вооруженной защите революции»³³. Конечно, спортизация в первую очередь молодежи (особенно в 1920-х годах) составляла часть социальной политики по оздоровлению населения, и прежде всего молодежи. В октябре 1922 года СНК РСФСР принял декрет о систематическом надзоре за здоровьем рабочих-подростков, согласно которому раз в год в стране повсеместно проводились профилактические медицинские осмотры. По их результатам юношей и девушек отправляли на лечение в санатории. Уже в 1924 году в СССР бесплатно воспользовались путевками 200 000 человек³⁴. В большинстве случаев «лечение на

³¹ Велихов 88.

³² Аксенов 2005 243.

³³ Товарищ комсомол 26.

³⁴ ИСРК 101.

курортах» сопровождалось физкультурными занятиями. Как правило, это были малобюджетные мероприятия, не требовавшие специфических условий, особых костюмов и инвентаря.

Более того, одежда первых советских спортсменов (как правило, примитивная и дешевая) на первых порах превратилась в элемент официально поощряемой советской моды рубежа 1920–1930-х годов, где старательно и стереотипно демонстрировалась принадлежность к эпохе индустриализации и технологизации. Как писал Юрий Олеша, это была некая специфическая красота, возникающая «от частого общения с водой, машинами и гимнастическими приборами»³⁵. Популярностью пользовались «соколки» – трикотажные футболки с цветными шнуровками. Именно в такой футболке запечатлена девушка на картине Александра Самохвалова «ГТО» (1931). Американский исследователь М. О'Махоуни отмечает, что скромные «соколки» оказались модными среди советской молодежи «намного раньше, чем футболка стала частью повседневной одежды на Западе»³⁶. Однако по мере упрочения большого стиля в советской повседневности все отчетливее проявлялись две тенденции: гламуризация моды и военизация физической культуры.

Властные структуры, формируя нормы облика хорошо одетого советского человека, создали в середине 1930-х целый ряд симулякров, своеобразных ложных знаков. С их помощью укреплялась мифология повседневности большого стиля, нашедшая выражение и в модных трендах эпохи сталинизма. Элементы и мужского, и женского костюма были дорогими, монументальными и доступными элитным слоям общества сталинского социализма. Конечно, в обыденной жизни эпохи большого стиля существовали дешевые вещи спортивного духа. Реально модными, доступными многим, хотя и совершенно непрактичными, оказались летние парусиновые мужские и женские туфли на резиновой подошве, копирующие теннисную обувь. Верх мужских и женских туфель делался из некрашеной льняной ткани – парусины. Молодые люди натирали ее для белизны зубным порошком. Неудивительно, что на танцплощадках предвоенного времени часто можно было видеть белые следы, оставленные слишком рьяными, но скромно обеспеченными модниками³⁷. Но такие примеры немногочисленны. Советская высокая мода была не только нарочито гламурной, она обладала утрированно выраженными характеристиками маскулинности и женственности, что не могло способствовать формированию унисексуальной телесности спортивного характера.

Одновременно физическая культура отдалялась от повседневности. Следует согласиться со следующим утверждением Майка О'Махоуни: «В середине и конце 1930-х годов над Советским Союзом нависла угроза мировой войны... и физкультура стала опять рассматриваться как часть военной подготовки»³⁸. В подобной ситуации физические упражнения были скорее гражданской обязанностью, а не досуговыми практиками и выражением стилистики бытового поведения. Рядовой советский человек занимался теми видами спорта, которые в данный момент соответствовали государственным задачам, а главное – могли быть презентованы в публичном пространстве улиц или официальных стадионов. Последние стали активно возводиться в стране после постановления СНК РСФСР от 28 октября 1931 года «О строительстве физкультурных сооружений». Их появление способствовало утверждению идеи общедоступности спорта. Наряду со стадионами для этих же целей использовались и улицы больших городов СССР, где в 1930-х проводились грандиозные спортивные парады. Одновременно значимость индивидуальности личности явно принижалась: личность превращалась в послушный механизм для государственных манипуляций.

³⁵ Цит. по: Кирсанова 1997 45.

³⁶ О'Махоуни 11.

³⁷ Подробнее см.: Лебина 1983; Цендровская.

³⁸ О'Махоуни 23.

В результате десталинизации 1950–1960-х годов социальный статус и смысловое наполнение понятия «спортивное тело» были скорректированы, а физкультура переместилась в сферу досуга и потребления. Конечно, в официальных документах массовый спорт по-прежнему рассматривался как часть воспитательной работы. Третья Программа КПСС, принятая в 1961 году и нацеливавшая население на построение коммунизма за 20 лет, предусматривала вовлечение «в физкультурное движение все более широких слоев населения, особенно молодежи»³⁹. Но в реальности наблюдалась демилитаризация массового спорта: все меньше людей стремились выполнить нормы БГТО, ГТО и ГЗР. Эти аббревиатуры, появившиеся в эпоху большого стиля, расшифровывались так: «Будь готов к труду и обороне», «Готов к труду и обороне», «Готов к защите Родины». С 1950 по 1965 год количество обладателей престижных до войны значков в массе физкультурников Ленинграда, например, сократилось с 35,9 до 14,3%⁴⁰. В сталинском обществе массовый спорт носил сугубо военизированный характер. Для получения значка БГТО, например, надо было не просто сдать нормы по легкой атлетике, лыжам и т. д., а продемонстрировать умения пользоваться противогазом и стрелковым оружием. Даже подъем тяжестей – традиционный показатель физической подготовки – в отношении юношей толковался как переноска «патронного ящика», а девушек – как перетаскивание вдвоем «раненого»⁴¹. В ходе десталинизации, сопровождавшейся потеплением международных отношений, физкультурные занятия начали явно демилитаризировать. Так, вместо гранаты в школе стали метать теннисный мяч. Петр Вайль и Александр Генис – одни из первых исследователей эпохи 1960-х годов в СССР – справедливо отмечают, что «идея мирного соревнования с Западом смягчила суровые нравы военизированного советского спорта»⁴². Более того, в 1960 году власти разрешили занятия регби, запрещенные в 1949 году в ходе борьбы «с низкопоклонством перед Западом»⁴³.

В годы оттепели, как утверждает О’Махоуни, «характерный для предшествующей эпохи акцент на оптимизме, массовом участии и великих возможностях физкультуры в деле формирования новых людей начал таять»⁴⁴. Одновременно то, что ранее выглядело лишь как тренировка тела и гражданская обязанность, становилось средством коллективного, но неформального и не контролируемого властью досуга⁴⁵. Это проявилось в росте популярности лыжных прогулок. Если конькобежцы зависели от властей, которые организовывали катки, то лыжные вылазки можно было совершать вполне самостоятельно, просто в хорошей компании, что придавало им аромат свободы. На фотографиях начала 1950-х строгость одежды лыжников еще напоминает униформу. Вскоре и одежда и поведение станут более раскрепощенными.

³⁹ Программа КПСС 206–208.

⁴⁰ Подсчитано по: Ленинград за 50 лет 134.

⁴¹ Справочник физкультурника 1938 72–74.

⁴² Вайль, Генис 207.

⁴³ Очерки истории Ленинграда 1970 288.

⁴⁴ О’Махоуни 218.

⁴⁵ Смирнов 354; Тюпа 2008 19.

Лыжники эпохи «большого стиля». Начало 1950-х. Личный архив Н. Б. Лебиной

Именно в годы оттепели любительские занятия лыжами стали одним из знаков принадлежности к людям нового поколения, для которых более гармоничным казалось проведение досуга в лесу, вдали от городской суеты. Неслучайно герои повести Василия Аксенова «Коллеги» (1959) – все заядлые лыжники. Во фразу «поехать покататься на лыжах» они вкладывают не только спортивный, но и коммуникативный смысл. Именно под этим предлогом к молодому врачу Саше Зеленину неожиданно приезжает погостить его знакомая Инна: «К нему едет незнакомая девушка по имени Инна. Совершенно незнакомая. Чужая. Образ, надуманный при помощи писем и телефонных разговоров, исчез. Словно к спасательному кругу, Зеленин протянул руку к письму. „...я измучилась. Ты стал уплывать от меня, стираться в памяти. Может быть, я сумасшедшая и нахалка, но я твердо решила: сдаю последний экзамен *досрочно и выезжаю к тебе. Учти – просто кататься на лыжах* (курсив мой. – Н. Л.). Не выгонишь?“»⁴⁶ Спорт, таким образом, становится средством прояснения непростых любовных отношений.

Идеал телесности эпохи оттепели – это не лыжник-разрядник 1930–1940-х годов, участник военизированных походов, а затем и боевых действий – и Финской, и Великой Отечественной войн, а скорее любитель-спортсмен, сочетающий физическое и интеллектуальное совершенство. Модность внешнего облика играла здесь не последнюю роль. Тот же Аксенов пишет: «Двое людей с лыжами на плечах двигались по льду берега. <...> Это молодые люди: они идут легко. Это веселые люди: один хлопнул другого по спине, тот на мгновение присел, будто корчась от смеха. Это не местные люди: слишком „мастерский“ у них вид (узкие брюки, кепки с длинными козырьками, канадки)»⁴⁷.

⁴⁶ Аксенов 2005 110–111.

⁴⁷ Аксенов 2005 172.

Спрос на лыжи рос: в 1957 году в Ленинграде, например, продали 45 тысяч пар лыж, а в 1958 году – уже 60. Однако покупателей не устраивал ограниченный ассортимент спортивного инвентаря⁴⁸. В 1959 году в одном из ленинградских магазинов системы «Спортторга» прошла выставка-продажа, на которой были представлены уже беговые, прыжковые и туристские лыжи⁴⁹. К середине 1960-х любительское катание на лыжах превратилось в модный тренд советской повседневности. Об этом свидетельствует и официальная статистика. Среди ленинградцев, по данным 1965 года, в лыжных спортивных секциях занималось 88 000 человек, тогда как в секциях баскетбола – всего 52 000⁵⁰. Для непрофессионалов в 1960-х годах на уже существовавшие лыжные базы стали продаваться однодневные путевки. Газета «Ленинградская правда» сообщала в январе 1964 года: «Обладателям путевок выдается туристское снаряжение, даются консультации по организации походов и лыжной техники, двухразовое питание». Но советская легкая промышленность не успевала за новыми потребностями населения: купить приличную одежду для зимнего спорта было довольно сложно. Не случайно журнал «Работница» периодически публиковал в качестве бесплатных приложений выкройки лыжных костюмов⁵¹. Эта одежда шилась из фланели с начесом и быстро теряла форму. Во второй половине 1960-х благодаря активному внедрению в жизнь синтетики советские люди стали с удовольствием приобретать для спортивных занятий брюки из эластика, на самом деле не предназначенные для зимних прогулок. Они были, как правило, без подкладки. На помощь здесь приходила новинка эпохи десталинизации – утепленные мужские кальсоны. Их в СССР стали поставлять китайцы. Голубое исподнее «с внутренним начесом... с двумя пуговицами на гульфике» и неизменной биркой «Дружба» считалось престижной и дефицитной вещью⁵². Но трудности с одеждой, как правило, не останавливали заядлых лыжников-любителей, которые исправно заполняли по выходным дням поезда под названием «лыжные стрелы». Они появились одновременно с введением пятидневной рабочей недели с двумя выходными днями. Произошло это во второй половине 1960-х, но не повсеместно. Для организации нормального производственного процесса необходимо было сохранить общее количество рабочих дней в году, исходя из ранее существовавшей 42-часовой трудовой недели (шесть дней по семь часов). На большинстве предприятий это сделали за счет укорачивания обеда на четверть часа. Однако в ряде городов, в том числе и в Ленинграде, первоначально избрали другой способ. Раз в месяц суббота объявлялась рабочей, и это время неким образом распределялось в объеме всего года. Такие субботы получили название «черных». Ситуация мгновенно отразилась в фольклоре. Популярным стал анекдот: «Чем Москва отличается от Ленинграда? Здесь нет белых ночей и черных суббот».

Настоящим спортивным новшеством 1960-х годов стала мода на плавание зимой в открытой воде, в чем Вайль и Генис усматривают определенный политический подтекст: «Роль холодной воды и холода вообще представляется в те годы непомерной. Шумной сенсацией стало открытие зимнего бассейна „Москва“ (на месте снесенного храма Христа Спасителя). Бюрократов в фельетонах помещали под ледяной душ критики. Реальной ледяной водой приводили в чувство пьяниц в вытрезвителях. Трудновоспитуемый хулиган в кинокомедии начинает исправление в рабочей бригаде именно с добровольно принятого холодного душа»⁵³. Исследователи вообще полагают, что «холодная вода» в прямом и переносном смысле превратилась сама по себе в своеобразный символ отрезвления и очищения общества от рутины

⁴⁸ ЛП 1958b.

⁴⁹ ЛП 1959b.

⁵⁰ Лебина, Чистиков 247.

⁵¹ Работница 1961d 30.

⁵² Память тела 93.

⁵³ Вайль, Генис 143.

«сталинского мешанства». Это, конечно, метафора. Обливания и обтирания советские медики и гигиенисты считали гарантией здоровья и до политической шоковой терапии XX съезда. И все же купание зимой как вид спортивных любительских занятий действительно появилось в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Фотокорреспонденты тех лет любили снимать эффектные моменты заплывов в ледяной воде, демонстрируя тем самым появление новых телесных практик, которые превращались в своеобразные модные тренды. Их запечатлела и художественная литература, в частности проза Аксенова, в данной ситуации повесть «Апельсины из Марокко» (1962): «Ну и парень этот Базаревич, такой чудик! Он каждый день это проделывает и ходит по морозу без шапки и в одном только тонком китайском свитере. Он называет себя „моржом“ и все время агитирует нас заняться этим милым спортом. Он говорит, что во многих странах есть ассоциации „моржей“, и переписывается с таким же, как и он сам, психом из Чехословакии. У них с этим чехом вроде бы дружеское соревнование и обмен опытом»⁵⁴. Число «моржей» росло. В Ленинграде, например, секция любителей зимнего плавания только при обществе «Спартак» насчитывала в 1963 году более 100 человек⁵⁵. А в Минске в апреле 1967 года состоялась, по сообщению газеты «Известия», всесоюзная научно-методическая конференция «моржей».

Был и у меня знакомый «морж»: в начале горбачевской перестройки в Ленинградском отделении института истории СССР АН СССР, где я работала с 1971 по 1992 год, появился очень симпатичный, бородатый, бесконечно интеллигентный сотрудник Чеслав Эрастович Сымонович. Он-то и оказался на поверку «моржом» – плавал в пруду на стадионе В. И. Ленина. Не знаю, долго ли продолжалось увлечение Сымоновича, в конце 1980-х годов он счел себя «неспособным» продолжать деятельность «академического ученого» и ушел из института. Такой поступок мог совершить только человек, закаленный «моржеванием».

Конечно, в советской действительности поклонники и зимнего, и подводного, и обычного плавания с трудом могли отыскать приличные одеяния для купания. Это в равной степени касалось и мужчин, и женщин (подробнее см. «Дикари»). Значительно менее требовательным к экипировке и одновременно самым модным спортивным увлечением эпохи десталинизации был бадминтон. В любительском варианте он не требовал специальной организации пространства (критерий, который, по Пьеру Бурдьё, определяет доступность тех или иных видов спорта населению). В романе Аксенова «Пора, мой друг, пора» (1963) есть характерное описание обстановки советских дачных поселков: «В соснах иногда мелькали белые рубашки, по обочинам тихо проезжали велосипедисты, перед дачами люди играли в бадминтон»⁵⁶. Модность занятий бадминтоном фиксировала и периодическая печать. Газета «Неделя» писала весной 1965 года: «С катастрофической быстротой исчезают с прилавков магазинов изящные ракетки, ажурные воланы, и сетки, которыми запасаются на лето желающие обрести стройность и бодрость. Начинается очередная бадминтонная эпидемия»⁵⁷.

Я очень хорошо помню повальное увлечение игрой в волан. Ракетки мне привез из очередной командировки в Москву мой отец – Борис Дмитриевич Лебин (1920–1985). Он практически всю жизнь, с 1949 года, проработал в системе Академии наук и часто ездил в командировки в Президиум АН СССР. В бадминтон я научилась играть в 13 лет и лихо обыгрывала всех во дворе Дома академиков. Так называют в Петербурге здание, возведенное еще в конце XVIII века на правом берегу Невы в районе нынешнего Благовещенского моста. В доме всегда обитали академические ученые – великие и не очень. Здесь и моя семья в разном составе прожила в целом более полувека – с 1951 по 2008 год. Ракетки я возила с собой в любые поездки.

⁵⁴ Аксенов 2005 361.

⁵⁵ ЛП 1963с.

⁵⁶ Аксенов 2002 327.

⁵⁷ Неделя 6.

Мама, Екатерина Николаевна Лебина, в девичестве Николаева-Чиркова (1920–2013), сшила мне специальный чехол на молнии, который можно было носить на плече. В школьной юности игра бадминтон помогала завязывать знакомства – в первую очередь с противоположным полом. Так, в 1963 году в Коктебеле я познакомилась с Тито Понтекорво, сыном известного академика-физика Бруно Понтекорво. С Тито мы несколько раз перекидывались волаком во двореке маленького домишки, где я с мамой жила в комнатке с земляным полом за два рубля в день, а сын академика ночевал на коврике в саду за пятьдесят копеек.

Модные тренды спортивности и бодрости в годы оттепели проявились и в практике трудовой повседневности. На многих советских предприятиях с 1956 года по инициативе Президиума ВЦСПС начали проводить производственную гимнастику⁵⁸. Добровольно-принудительное оздоровление горожан по инициативе власти воспринималось с энтузиазмом и рассматривалось как выражение демократизации жизни. Ведь в конце 1920-х, на излете нэпа, физкультурные перерывы в рабочих цехах уже пытались внедрить сторонники системы НОТ (научной организации труда). Начинание нотовцев прекратилось в условиях форсированного построения социализма. В 1960 году «пятиминутками бодрости» (так часто называли производственную гимнастику) было охвачено 7 миллионов человек, а в 1966 году – более 11 миллионов⁵⁹. Профсоюзы занимались и подготовкой специальных общественных инструкторов, способных проводить эти «пятиминутки». С начала 1960-х на Всесоюзном радио появилась специальная передача. Она выходила в эфир в 11 часов утра. Диктор бодрым тоном призывал работающих потянуться, провести сгибания, поставить ноги на ширине плеч и т. д. Однако полезное начинание просуществовало недолго. Энтузиазм оттепели к началу 1970-х годов иссяк. К этому времени производственной гимнастикой занималось не более 15% трудящихся. Но физическая культура в целом становилась частью досуга, реализуемого в приватном пространстве.

В годы брежневского застоя в научно-исследовательских институтах в обеденные перерывы даже люди, глубоко презиравшие всякий организованный спорт, с удовольствием играли в настольный теннис. Так было в «ящике», где трудился мой муж – Олег Никленович Годисов (1951 г. р.). Сразу после окончания физико-механического факультета Ленинградского политехнического института он был принят на работу в закрытый НИИ Министерства среднего машиностроения. Ныне это учреждение входит в систему госкорпорации «Росатом». Стук пинг-понгового шарика раздавался по так называемым присутственным дням и в стенах Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, где начиналась моя научная карьера. Реальность популярности настольного тенниса подтверждается киноисточниками. «Молодой человек, с вами все ясно. Играйте в пинг-понг, Гена!» – говорит в фильме Геральда Бежанова и Анатолия Эйрамджана «Самая обаятельная и привлекательная» (1985) психолог Сусанна внешне заурядному программисту, маркируя тем самым обыденность его манеры проведения свободного времени⁶⁰.

Люди 1970–1980-х годов с удовольствием восприняли новую стилистику спортивных занятий, появившуюся в процессе десталинизации. Без особого блеска, но с чувством легкого пижонства мы с мужем катались на лыжах. Особое удовольствие нам доставляло таскать с собой сына (Леонида Олеговича Годисова, 1977 г.р.). В четыре года он три четверти пути ехал верхом на шее отца: маленькие лыжи забавно торчали. Подобающей одежды для лыжных прогулок у меня долго не было. Чаще всего надевала куртку с теплым свитером. Первый спортивный костюм хорошего качества у меня появился уже в конце 1970-х годов. У мужа постоянными стали командировки в закрытые города (ЗАТО). Самолеты Ленинград–Свердловск, кото-

⁵⁸ Рабочий класс СССР 1969 276.

⁵⁹ Рабочий класс СССР 1979 156.

⁶⁰ Кожевников 707.

рыми он добирался в один из закрытых атомных городов Урала – Новоуральск, – были для нас «колбасными поездами». На мой вопрос: «Куда тебя отправляют?» – муж привычно отвечал: «На блаженный остров коммунизма», используя бойкий слоган забытого ныне прекрасного советского писателя Владимира Тендрякова. Правда, для результативного посещения ломившихся от изобилия магазинов уральского ЗАТО требовались деньги. У нас, тогда еще начинающих ученых – историка с кандидатской степенью и физика, еще не кандидата, – с финансами было туго. Но все же прелестные чешские спортивные костюмы муж привез мне и маленькому сынишке. Оба были приобретены в магазине детского трикотажа в Новоуральске: сыну, правда, на вырост, ну а я тогда еще вполне «помещалась» в детский 44-й размер. Костюмы мы долго носили и в качестве лыжных, и просто тренировочных.

Всей семьей мы плавали в бассейне, какое-то время даже играли в большой теннис. Отсутствие обязловки очень вдохновляло. «Псевдоспорт» помогал даже тогда бороться с лишним весом. Ведь стремление быть стройным появилось задолго до перестройки. Так, модный облик женщины 1960-х годов дополнял своеобразный спортивный аксессуар – хулахуп. Гимнастический обруч, вращающийся вокруг тела, – самое популярное средство для похудения, появившееся в годы оттепели, о чем, в частности, свидетельствуют, строки из поэмы Евгения Евтушенко «Братская ГЭС» (1965):

И, терпя от насмешников муку,
Только сверху я трогала суп,
И крутила проклятую штуку
Под названием «хула-хуп»⁶¹.

Действительно, идея стройности – результата физических упражнений – становилась основополагающей в новой, постсталинской повседневности. Советский женский журнал «Работница» с 1957 года постоянно публиковал материалы под рубриками «Как стать стройной», «Последите, пожалуйста, за собой», в которых предлагались специальные комплексы гимнастики. На страницах издания выступали практикующие врачи. Так, в февральском номере «Работницы» за 1960 год появилась статья профессора Ф. Меньшикова «Полнота не признак здоровья», где предлагалось специальное меню «на два дня для тучных»⁶².

В условиях десталинизации и демократизации формировались новые, отличные от прежних, сталинских, каноны женской и мужской привлекательности. Чрезмерная брутальность и гиперболизированная женственность казались ненатуральными, как и плакатная красивость. Все это слишком напоминало статичные формы эпохи сталинизма, в рамках которой спорт был прежде всего способом формирования коммунальных тел, предназначенных для тяжелого труда, защиты социалистического отечества и производства потомства. Теперь в моду вошла спортивная деловитость. На уровне частного пространства распространялись ориентиры женственности, отрицающие монументальные черты красавиц эпохи сталинизма, о чем свидетельствуют мемуары шестидесятников. Привлекательными казались, например, Ася Пекуровская (жена Сергея Довлатова) – «коротко, „под мальчика“ стриженная, своевольная и очаровательная»⁶³, переводчица Галина Дозмарова-Харкевич, которая «обладала прекрасной спортивной фигурой»⁶⁴, жена драматурга и барда Александра Галича Ангелина, отличавшаяся почти декадентской худобой⁶⁵. Идеал стройной женщины, конечно же, подразумевал ее подвижность

⁶¹ Юность 1965 55.

⁶² Работница 1960а 30.

⁶³ Штерн 2005 130–131.

⁶⁴ Штерн 2001 42.

⁶⁵ Нагибин 224.

и спортивность, но без элементов атлетизма, характерных для женского канона времени большого стиля. Демилитаризация спорта и его перемещение в сферу приватности сказались и на внешнем облике мужчин. Новый образец мужественности не был таким нарочито воинственным и публичным, как в эпоху большого стиля. Идеалом становился образ спортсмена-интеллектуала. Так выглядели штангист Юрий Власов и легкоатлет Валерий Брумель.

Вайль и Генис отмечали: «Новый чемпион лучился улыбкой, поправляя очки, невзначай ронял томик Вознесенского, а установив рекорд, спешил на зачет по сопромату»⁶⁶. То же можно было заметить и в любительском спорте. Для послесталинских поколений он превратился в бытовую практику с флером мужественной интеллигентности и романтизма. Такой характер носили, например, полулюбительские занятия альпинизмом (его гимном стал фильм «Вертикаль» (1967) режиссеров Станислава Говорухина и Бориса Дурова по сценарию Сергея Тарасова и Николая Рашеева с песнями Владимира Высоцкого) и туризмом, всегда сопровождавшиеся авторской песней. И, конечно, образ мужчины спортивного вида с гитарой в руках становился модным трендом.

Быть спортивными и подтянутыми в годы оттепели стремились люди вне зависимости от их гражданской позиции. Физическое совершенство способствовало появлению у новой генерации советских людей чувства уверенности. Об этом, в частности, писал Аксенов в повести «Апельсины из Марокко»: «Мы не обрываем связи с цивилизацией! <...> Все для самоуважения! <...> И под водой ты не растеряешься – акваланг!»⁶⁷

⁶⁶ Вайль, Генис 207.

⁶⁷ Аксенов 2005 425.

Бормотуха

Алкоголь в сфере советской социально-бытовой политики

Удивительно, но словечко «бормотуха» не попало в «Толковый словарь языка Совдепии», изданный еще в 1998 году лингвистами Вальтером Мокиенко и Татьяной Никитиной. А ведь это типичный советизм, дату появления которого определить нетрудно. Такого понятия не знал Владимир Даль. Не было этого слова и в прижизненных советских изданиях словарей Сергея Ожегова и Дмитрия Ушакова – прежде всего по причине его отсутствия в поле русского языка в целом. Впервые слово «бормотуха» в лексике прессы и художественной литературы зафиксировали ленинградские лингвисты, занимавшиеся выявлением новых слов и выражений 1970-х годов⁶⁸. Согласно Национальному корпусу русского языка, первое употребление этого слова в художественной литературе встречается в «Царь-рыбе» Виктора Астафьева (1974). Но в академический четырехтомный «Словарь русского языка», изданный в 1981–1984 годах, забавное обозначение продававшихся в СССР в 1970-х годах дешевых вин все же не включили. Скорее всего, это произошло по цензурным требованиям. Ведь слово «бормотуха» могло выглядеть как своеобразный вербальный маркер противоречивости алкогольной политики государства на протяжении всей советской истории.

Уже в первые дни пребывания у власти большевики столкнулись с необходимостью выработать четкую позицию по отношению к алкоголю. Правительство Ленина вынуждено было бороться с так называемыми «винными погромами». Они начались в стране еще ранней осенью 1917 года. Зачинщиками пьяных бесчинств в ряде провинциальных центров стали солдаты городских гарнизонов, которые, по мнению современников, вели себя «похуже собак»⁶⁹. Первые слухи о свержении Временного правительства подхлестнули активность «пьяных революционеров». Наибольшую опасность они представляли в Петрограде. Здесь находились огромные склады спиртного, часть которых располагалась непосредственно в Зимнем дворце. Один из членов Петроградского военно-революционного комитета (ВРК) вспоминал, что во избежание повторного штурма Зимнего солдатам близлежащих казарм из царских подвалов ежедневно выдавалось по две бутылки на человека на день⁷⁰. В начале ноября 1917 года начали грабить частные склады. Пьяные погромы представляли реальную опасность и для новой государственности, и для обывателя. Ленин, по воспоминаниям современников, явно страшился, что погромщики «утопят в вине всю революцию», и требовал «расстреливать грабителей на месте»⁷¹. Власть призывала к жестокому подавлению погромщиков и охране общественного порядка. Однако этих мер оказалось недостаточно. В конце ноября 1917 года было решено уничтожить все винные и спиртовые запасы в Петрограде. Бутылки разбивались прямо в подвалах, и затем вино откачивали оттуда помпами. Лев Троцкий вспоминал: «Вино стекало по каналам в Неву, пропитывая снег. Пропойцы лакали прямо из канав»⁷². Такую же тактику пришлось применить и в других российских городах. В Екатеринбурге, например, в ноябре 1917 года, чтобы избежать эксцессов, власти спустили в один из городских прудов 9000 литров спирта. Большевики смогли полностью покончить с винными погромами лишь в начале

⁶⁸ НСИЗ 1984 102.

⁶⁹ Цит. по: Рейли 296.

⁷⁰ Павлюченков 23.

⁷¹ Соломон 15.

⁷² Троцкий 287.

декабря 1917 года. Более трудной оказалась задача сформулировать собственный взгляд на вопросы производства и потребления алкоголя.

Новая власть поначалу вообще не собиралась заниматься ни производством, ни продажей спиртного на государственном уровне. Законодательные акты периода военного коммунизма, в частности декрет «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» (декабрь 1919 года), можно расценивать как продолжение политики тотальной национализации всех видов производства. Утопические воззрения большевиков на возможность пополнять бюджет без торговли вином, а следовательно, и без «водочной монополии» особенно ярко проявились после окончания Гражданской войны. В ленинской концепции построения социализма в России не было места спиртному как источнику добычи «легких денег».

Но в середине 1920-х годов большевики все же решили воспользоваться самым быстрым способом получения денежных средств – введением госмонополии на производство и продажу алкоголя. Это решение не было неожиданным. В 1919–1924 годах в Советской России производились виноградные вина крепостью до 12 градусов, пиво, а главное, «русская горькая», своеобразная «бормотуха» периода нэпа. Ее начали производить согласно постановлению ЦИК и СНК СССР «О разрешении выделки и продажи наливок, настоек, коньяка и ликерных вин крепостью не свыше 30° и об установлении размера акцизного обложения указанных напитков» от 3 декабря 1924 года⁷³. Любопытно, что уже через несколько дней после выхода декрета, в двадцатых числах декабря 1924 года, только что появившийся спиртосодержащий напиток именовали «рыковкой», а иногда и «полурыковкой»⁷⁴. Свое народное название новый вид алкоголя получил в честь тогдашнего председателя СНК Алексея Рыкова, полагавшего, что с помощью водки можно будет победить самогонщиков. Самое же имя Рыкова в 1920-е годы стало нарицательным как в стане противников, так и в стане сторонников свободной продажи крепких алкогольных напитков. А в среде интеллигенции, по воспоминаниям современников, был популярен анекдот: «В Кремле каждый играл в свою карточную игру: Сталин – в „короли“, Крупская – в „акульку“, Рыков – в „пьяницу“»⁷⁵. Крепость «рыковки» не превышала 30 градусов, что вызывало насмешки профессора Преображенского из булгаковского «Собачьего сердца». Однако «рыковка» еще не была водкой-монополюшкой.

28 августа 1925 года появилось постановление ЦИК и СНК СССР «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими»⁷⁶, и с 1 октября 1925 года государство стало выпускать и продавать спиртные напитки крепостью 38 градусов и торговать ими. Фольклор отреагировал на странную крепость большевистской водки, о чем свидетельствует следующий анекдот: «Встретились на том свете Николай II с Лениным. „А что, Ильич, водку продаете?“ – „Продаем“. – „А сколько градусов?“ – „Тридцать восемь“. – „И стоило же из-за двух градусов такую заваруху устраивать!“»⁷⁷ И все же свободная продажа крепкого спиртного вызвала невиданный ажиотаж. В Ленинграде, как описывали современники, «в первый день выпуска сорокаградусной люди на улицах... плакали, целовались, обнимались... За ней кинулись, как в 1920 году за хлебом»⁷⁸. Такая картина наблюдалась повсеместно⁷⁹.

Производство спирта подвергалось строгому учету со стороны властей, но продавать водку разрешалось и частникам. По словам Сталина, это позволяло создать условия «для раз-

⁷³ СЗ СССР. 1924. № 27. Ст. 233.

⁷⁴ Булгаков 1990 31, 39.

⁷⁵ Шитц 89.

⁷⁶ СЗ СССР. 1925. № 57. Ст. 425.

⁷⁷ Советский анекдот 714.

⁷⁸ Цит. по: Измозик 84.

⁷⁹ Панин 93.

вития нашей индустрии собственными силами»⁸⁰. Первая советская сорокаградусная водка сначала продавалась по довольно низкой цене. Это вызывало неподдельный восторг населения и на короткое время даже привело к снижению уровня самогонварения в стране. Появилась и новая, советская расфасовка спиртного, в народе сразу получившая политизированные названия: бутылочку объемом в 0,1 л именовали «пионером», 0,25 л – «комсомольцем», 0,5 л – «партийцем». В декабре 1927 года на XV съезде ВКП(б) «вождь всех народов» демагогически заявил о возможности постепенно свернуть выпуск водки, «вводя в дело вместо водки такие источники дохода, как радио и кино»⁸¹. Однако за все годы существования советской власти это намерение не было воплощено в жизнь. Алкогольные напитки всегда составляли важнейший источник пополнения бюджета. Монополия государства на продажу водки была в числе первых признаков формирования большого стиля с присущими ему элементами тоталитаризма. Власть стала безудержно наращивать производство алкоголя, который должен был раскупаться населением. Утопическая идея полной трезвости, по сути дела, становилась антигосударственной.

Однако не следует считать, что сталинское руководство страны на рубеже 1920–1930-х годов ставило прямую цель спаивания народа. Переход к свободной продаже спиртных напитков продемонстрировал несостоятельность представлений большевиков об абсолютной трезвости как норме, существовавшей в ментальности трудящихся. Официальная статистика зафиксировала рост потребления водки. Основная масса горожан не смогла противиться искусству спиртного, которое теперь можно было приобрести в магазинах. Водку потребляли не только нэпманы, но сознательные пролетарии. По данным ЦСУ СССР, по сравнению с 1922 годом расходы рабочей семьи на спиртные напитки выросли в 1927 году почти в 18 раз⁸². Это заставило советские властные структуры начать организованную борьбу с пьянством. В июне 1926 года появились тезисы ЦК ВКП(б) «О борьбе с пьянством», а в сентябре того же года – декрет СНК РСФСР «О ближайших мероприятиях в области лечебно-предупредительной и культурно-просветительной работы по борьбе с алкоголизмом». В стране стала формироваться сеть противоалкогольных диспансеров. В Ленинграде первое такое учреждение открылось в 1927 году, а в 1928-м – второе. В Москве в середине 1929 года работало уже 30 диспансеров⁸³. Включились в борьбу с пьянством и общественные организации, в частности комсомол и пионерия. Эффективной формой общественного протеста против алкоголизации стали детские демонстрации. Моя мать как активная пионерка девяти лет с удовольствием маршировала на школьных утренниках под плакатами: «Отец, не пей. Купи книги детям, одень их», «Отец, брось пить. Отдай деньги маме», «Мы требуем трезвости от родителей». Рабочие в целом поддерживали кампанию, ведь полного запрета продажи алкоголя за ней не последовало.

В начале 1930-х борьба с пьянством стала постепенно сокращаться. Однако происходило это в завуалированной форме. Будучи заинтересованной в продаже спиртного для пополнения бюджета, власть тем не менее не осмеливалась прямо отвергнуть привычную моральную норму осуждения алкоголизма. Именно поэтому по инициативе государства в 1931–1932 годах начали закрываться пивные. Но параллельно Главное управление спиртовой и спиртоводочной промышленности Наркомснаба СССР летом 1933 года сочло необходимым организовать во всех регионах «ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ ТОРГОВЛЮ ВОДКОЙ И В СООТВЕТСТВИИ С ЭТИМ ПЕРЕСТРОИТЬ СБЫТОРАБОТУ». Использование заглавных букв в документе подчеркивает

⁸⁰ Сталин 10:232.

⁸¹ Сталин 10:312.

⁸² Бюджеты рабочих и служащих 1929 28.

⁸³ Такала 208.

важность для государственных структур этого решения. Для его исполнения за шесть месяцев 1933 года только в Ленинграде количество винно-водочных магазинов возросло с 444 до 625⁸⁴.

В середине 1930-х широкая доступность водки и вина, возможность их свободного приобретения без карточек превратили потребление алкоголя в норму советской повседневности. В 1936 году Анастас Микоян вполне серьезно заявлял, что до революции пили «от горя, от нищеты. Пили именно, чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь... Теперь веселее стало жить. От хорошей и сытой жизни пьяным не напьешься... Весело стало жить, значит, и выпить можно...»⁸⁵ Подобные высказывания оправдывали возрастающее стремление к спиртным напиткам. А для облагораживания ситуации власть стала наращивать производство элитных видов алкоголя, в первую очередь шампанского. Сталин, по свидетельству Микояна, был недоволен, что стахановцы – представители новой элиты – не получают это вино в достаточном количестве⁸⁶.

В июле 1936 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О производстве советского шампанского, десертных и столовых вин „Массандра“». За пять лет – с 1937 по 1941 год – предполагалось увеличить выпуск шампанского в 60 раз. Уже летом 1937 года один только крымский завод «Новый Свет» выпускал в день около 12 000 бутылок «буржуазного» напитка. При этом в процессе его производства были в полном объеме использованы способы «социалистического штурма». Микоян вспоминал: «Французский, так называемый классический метод выдержки шампанского представлял собой длительный процесс, занимающий много лет: кроме выдержки вина в течение трех лет в бочках этот метод требует еще трехлетней выработки в бутылках. Такие длительные сроки не могли нам обеспечить быстрого увеличения масштабов производства. Поэтому мы решили, сохранив все же некоторый объем производства по французскому методу на старом заводе „Абрау-Дюрсо“ и некоторых других, параллельно организовать производство шампанского по более простому, дешевому и ускоренному... способу, сокращавшему срок выдержки шампанского до 25 дней»⁸⁷. Дешевое советское шампанское продавали повсеместно, увеличивая иллюзию всеобщего благополучия. Так выглядел вариант «бормотухи» эпохи большого стиля. Систематических антиалкогольных кампаний, в отличие от ситуации рубежа 1920–1930-х годов, власти не проводили. Но пьянство осуждалось, правда с сугубо политических позиций. Лиц, склонных к злоупотреблению спиртным, в соответствии с политической конъюнктурой стали называть «приспешниками троцкистско-зиновьевской банды»⁸⁸. Однако советской власти не удалось уничтожить алкоголизм, полностью его политизировав. Продажа спиртного по-прежнему была важным источником доходов.

В годы войны политика сталинского режима усугубила проблему алкоголизации общества. Спиртное превратилось в надежный и постоянно действующий стимул «к труду и обороне» благодаря появлению «наркомовских ста грамм»⁸⁹. Уже в ходе Советско-финской войны по распоряжению Совнаркома СССР с 1 января 1940 года бойцам и командирам полагался дополнительный пай – 100 грамм водки и 100 грамм сала в день. Эту практику власть продолжила и в дни Великой Отечественной войны. С 1 сентября 1941 года на передовой ежедневно выдавали по 100 грамм алкоголя. Весной 1942 года поголовное обеспечение водкой прекратилось. С ноября 1942 года по 100 грамм алкоголя получали военнослужащие, непосредственно участвующие в боях, и по 50 грамм – те, кто находился в полковых и дивизионных резервах,

⁸⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 50. Д. 21. Л. 147, 180, 181.

⁸⁵ Книга о вкусной и здоровой пище 79.

⁸⁶ Подробнее см.: Гронов 29–40.

⁸⁷ Микоян 313–314.

⁸⁸ КП 1936.

⁸⁹ Такала 245.

рыл окопы и сооружал укрепления на передовых позициях. В праздники спиртным оделяли всех фронтовиков⁹⁰. Балерина Татьяна Вечеслова описывала в своих воспоминаниях впечатления о «военной» водке «бледно-сиреневого цвета», напоминавшей денатурат: «Она называлась „сырец“. Она обжигала внутренности, но зато сколько раз потом оберегала от простуды»⁹¹.

Провоевавший всю войну на Ленинградском фронте, отец никогда не вспоминал о спирте. А вот у мамы – «реальной блокадницы» – «алкогольные впечатления» остались. 1 января 1942 года «наркомовские 100 грамм» спасли моих бабушку (Екатерину Ивановну Чиркову, в девичестве Николаеву, 1900–1984), дедушку (Николая Ивановича Чиркова, 1903–1977) и маму. Их, уже умиравших в холодной кухне квартиры на Невском проспекте, нашел внезапно зашедший навестить друга бывший дедов сослуживец. Он прибыл с фронта и привез новогодний подарок – 100 грамм спирта, 100 грамм сала и стакан пшена. Половину крупы бабушка отнесла соседям – семье Миловых. В конце войны выдачи спиртного возросли. На три месяца 1945 года для поощрительных целей было отпущено примерно по 1,3 литра водки в квартал на человека – мужчин, женщин и даже подростков⁹².

После победы государство продолжало наращивать выпуск алкоголя и расширять его продажу. Все это происходило в условиях полного отсутствия учреждений по социальной реабилитации алкоголиков. Акции власти против самогонварения защищали монополию государства на изготовление спиртного и торговлю им. Одновременно правительство систематически снижало цены на алкоголь. Водка в 1947 году подешевела на 33%, а в 1953-м – еще на 11%; крепкие и десертные вина в 1950 году – на 49%, а пиво – на 30%⁹³. В конце 1940-х годов к тому же появились и новые заведения системы общепита, где спиртное отпускалось в розлив. Это возникшие после приказа Наркомторга СССР от 31 декабря 1945 года коммерческие чайные, в которых подавались кроме собственно чая и водка, и пиво, и крепленое вино⁹⁴. С отменой карточного снабжения они практически вытеснили сам чай из чайных, которые в народе стали иногда называть «голубыми дунами». Здесь в одном помещении действовали и пивная, и чайная. Нередко в таких заведениях небольших городков буфетчики давали «выпить-закусить „под крестик“, то есть в долг»⁹⁵. Пользовались этим и бывшие фронтовики. Сложный процесс адаптации к мирной жизни в разрушенной, полунищей стране у многих сопровождался злоупотреблением спиртными напитками. Ценности военного времени оказались невосребованными. И единственным местом, где можно было вспомнить недавнее героическое прошлое, стали питейные заведения. Здесь развязывались языки, лились слезы, царила своеобразная «шалманная демократия». Писатель Эммануил Казакевич записал в дневнике в мае 1950 года: «День Победы... Я зашел в пивную. Два инвалида и слесарь-водопроводчик... пили пиво и вспоминали войну. Один плакал, потом сказал: „Если будет война, я опять пойду“...»⁹⁶ Спиртное многим развязывало языки, и это, по-видимому, устраивало власть. Алкоголь таким образом превращался в инструмент контроля над настроением населения. В послевоенном сталинском обществе процветали пивные, закусочные и рестораны, с весны 1944 года коммерческие, а затем и обычные. Система же антиалкогольной профилактики по-прежнему отсутствовала.

⁹⁰ Подробнее см.: Кнышевский; Такала.

⁹¹ Вечеслова 163.

⁹² Кнышевский 47.

⁹³ Такала 336, 337.

⁹⁴ Экштут 73.

⁹⁵ Куратов 7.

⁹⁶ Цит. по: Зубкова 34–35.

Алкоголь в частном пространстве. 1950-е годы. Личный архив Н. Б. Лебиной

С приходом к власти Хрущева в «алкогольной» политике государства наметились определенные перемены. Они, конечно, не коснулись монополии на спиртное. Первоначально новый советский лидер, по воспоминаниям современников, пришел в ярость от цифр, свидетельствовавших о гигантских объемах винно-водочного производства. Ведь алкоголь по-прежнему присутствовал не только в публичной сфере – в пивных и ресторанах, но и в домашнем быту советских людей.

Новый советский лидер даже потребовал сократить сети магазинов по продаже спиртных напитков. В 1957 году правительство приступило к обсуждению мер по борьбе с пьянством, в числе которых фигурировали и предложения повысить цены на алкоголь⁹⁷.

В декабре 1958 года появилось правительственное постановление «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками». В документе указывалось: «В старом обществе... трудные условия жизни вызывали у трудящихся стремление забыться в вине, „залить горе вином“. В советском обществе нет причин для подобных настроений»⁹⁸. Риторика постановления резко отличается от высказываний сталинского руководства о возможности и необходимости «выпить при хорошей жизни». Первый хрущевский антиалкогольный документ ввел строгие ограничения на время, а главное, и места торговли спиртными напитками. В городах закрылись ларьки, киоски и палатки, торговавшие алкоголем в розлив. Исчезли «рюмочные» и «голубые дунай», чайные с алкогольным уклоном. Пьянство буквально выплеснулось на улицы городов, где после правительственных постановлений было трудно найти место для возлияний. И на это, конечно, отреагировал фольклор конца 1950-х – начала 1960-х годов: «Милиционер стыдит гражданина, справляющего малую нужду на забор: „Как вам не стыдно! Посмотрите – в двух шагах от вас общественная уборная“. – „Не могу же я мочиться там, где люди выпивают и закусывают“»⁹⁹

⁹⁷ Правда 1991.

⁹⁸ Справочник партийного работника 404.

⁹⁹ Советский анекдот 716.

Ситуация вынудила власть пойти на учреждение институций «культурного питания». К их числу можно отнести пивбары – модернизированную форму популярнейших в России и СССР пивных. Выраженный питейный дух этих заведений, конечно, не соответствовал идеям строительства коммунизма. Но отказаться от них было невозможно с коммерческой точки зрения. В свете тенденции к автоматизации быта уже в 1959 году в стране начали работать автоматы по продаже пива. А на месте старых пивных часто открывались, как писали в прессе, «удобные пивные бары, где можно почитать газету, журнал»¹⁰⁰. Но центров коммунистического досуга из них не получилось. И это прекрасно понимали современники. Андрей Битов в одном из своих рассказов 1961–1962 годов замечал: «Я вижу пивную-автомат и захожу в нее. Раньше это была просто пивная... Теперь тут стоят стойки из серого противного мрамора и блестят никелем автоматы... Но люди не могли расстаться с этим местом, они по-прежнему ходят сюда, и они сохранили все по-прежнему: дух пивной не ушел отсюда... <...> И по-видимому, даже пивное начальство понимает, что бороться с этим бесполезно»¹⁰¹.

Новыми заведениями с прозападной культурой питания стали бары, в которых продавали спиртное порюмочно. Литератор Соломон Волков, размышляя вместе с Иосифом Бродским об эпохе Хрущева, отметил, что тогда «многие мечтали о стиле жизни а-ля Хемингуэй: подойти к стойке бара и мужественно заказать стопку кальвадоса»¹⁰². Однако само слово «бар» существовало в лексиконе советского горожанина уже в 1920-е годы. «Малая советская энциклопедия», изданная в 1929 году, указывала, что бар – это «винная или пивная лавка, в которой пьют стоя»¹⁰³. В крупных ресторанах стойки, именуемые барами, существовали и в 1930-х, и в 1940-х. И все же в стабильный элемент городского пространства бар превратился в годы оттепели. Тогда же появляется официальное наименование профессии – «бармен» и его модификация для женского пола – «барменша»¹⁰⁴. В барах советская молодежь приобщалась к западным стандартам потребления спиртного в виде коктейлей. В русском исполнении они нередко представляли собой своеобразную «бормотуху» 1960-х годов. Ее употребление не было редкостью, но всегда считалось средством быстро опьянеть по дешевке. Не случайно в фильме «Осенний марафон», снятом в 1979 году режиссером Георгием Данелией по сценарию Александра Володина, есть фраза о непристойности смешивания водки с портвейном. «Хиппи лохматый» – западный человек – в представлении Василия Ивановича (артист Евгений Леонов) требовал явно чего-то нехорошего, твердя: «Коктейль. Коктейль»¹⁰⁵.

Декабрьское постановление ЦК КПСС 1958 года нанесло серьезный урон бюджету страны. Неудивительно, что почти одновременно с подорожанием в 1962 году мяса, масла и молочных продуктов на 25–30% возросли и цены на алкоголь. До денежной реформы 1961 года полулитровая бутылка водки стоила 21 рубль 20 копеек, после реформы – 2 рубля 12 копеек, а в 1962 году – уже 2 рубля 87 копеек. Разница в 75 копеек казалась существенной, на эту сумму можно было купить даже по повышенным ценам шесть буханок хлеба по 12 копеек, 300 грамм колбасы по 2 рубля 20 копеек и многое другое. Нынешнему поколению, конечно, совсем непонятно, почему в фильме Леонида Гайдая на «липовом» такси, прибывшем за Семеном Семеновичем Горбунковым, стоит странный номер «28-70 ОГО». Так режиссер отреагировал на рост стоимости водки. Хрущевские манипуляции с ценами на алкоголь, конечно, зафиксировал и фольклор, о чем лично я узнала благодаря случаю из школьной жизни. В октябре 1964 года, сразу после смещения с государственных и партийных постов Хру-

¹⁰⁰ ЛП 1959а.

¹⁰¹ Битов 1996 1:63.

¹⁰² Волков 37.

¹⁰³ МСЭ-1 1: стб. 582.

¹⁰⁴ НСИЗ 1971 64.

¹⁰⁵ Кожевников 652.

щева, в элитную физико-математическую школу, где я тогда училась, пришел представитель райкома КПСС с политинформацией о «текущем моменте», а главное, с просьбой: не распространять анекдоты об опальном партийном лидере. Но на язвительный вопрос: «Какие анекдоты, например, нельзя рассказывать?» – лектор с явным удовольствием продекламировал:

Товарищ, верь, придет она,
На водку старая цена,
На закуску будет скидка,
Ушел на пенсию Никитка!

И добавил в заключение: «Вот такое никому не рассказывайте!»

В ходе хрущевской антиалкогольной кампании предусматривалось и преследование самогонварения как посягательства на государственную винную монополию. В 1960 году, согласно указу Президиума Верховного Совета РСФСР, за производство самогона в виде наказания предусматривались лишь меры общественного порицания. Но уже с мая 1961-го злостных самогонщиков могли посадить в тюрьму на срок до трех лет. Однако потребление спиртных напитков не уменьшилось. В общественном же сознании укоренился образ заблудшего, но симпатичного российского пьяницы. Он ассоциировался с плутоватыми милягами Трусом (актер Георгий Вицин) и Балбесом (актер Юрий Никулин) из фильмов Гайдая. Одновременно хрущевское руководство страны, в отличие от сталинских властей, пыталось развернуть и антиалкогольную работу. Это была своеобразная советская филантропия, возможная лишь при десталинизации социума. В стране активизировалась деятельность медвытрезвителей. Как специальный раздел медицины стала определяться наука наркология. В СССР специалисты-наркологи занимались прежде всего реабилитацией алкоголиков¹⁰⁶. Появляется препарат для лечения лиц, злоупотребляющих спиртным, – антабус¹⁰⁷.

С мер воспитательного характера началась и антиалкогольная кампания брежневского руководства. Весной 1967 года был принят указ Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)». Несмотря на наличие в этом и последующих документах филантропических идей о помощи людям, страдающим алкогольной зависимостью, реабилитационные мероприятия носили принудительный и репрессивный характер. В годы оттепели, как известно, мелкое хулиганство в пьяном виде расценивалось как административное правонарушение и нередко каралось пятнадцатисуточным лишением свободы. Суд при вынесении приговора должен был предусмотреть и меры по перевоспитанию провинившихся без тюремного наказания. Тогда в городском быту возникли «указники». Все 15 суток они должны были работать на стройках, на уборке мусора и т. д. Газета «Правда» писала в августе 1966 года: «Арестованным теперь предстоит проститься с прическами и проводить эти пятнадцать суток в тяжелом физическом труде». В этих мероприятиях были пока элементы карнавализации, характерные для эпохи хрущевских реформ. Именно эту сторону антиалкогольной кампании 1960-х годов изобразил Гайдай в комедии «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика». В новелле «Напарник» студент Шурик в исполнении Александра Демьяненко нашел адекватные меры для воспитания дебошира и пьяницы Феди (Алексей Смирнов). Брежневская же борьба с пьянством стала носить значительно более жесткий характер. Алкоголиков могли уволить с работы и направить по ходатайству трудового коллектива на принудительное лечение.

В 1974 году вышел новый указ Президиума Верховного Совета, и в стране появились лечебно-трудовые профилактории (ЛТП). Это были наркологические учреждения закрытого

¹⁰⁶ НСИЗ 1971 303; ЛГ 1966а.

¹⁰⁷ НСИЗ 1971 46.

типа, находившиеся в ведении МВД СССР. Попавшие в ЛТП, как правило, находились там по два года и трудились на тяжелой монотонной работе, на которую было трудно найти желающих. Попытки сбежать из профилактория карались лишением свободы сроком до одного года. Государство создало целую систему репрессивных мер управления и устрашения, что вынуждало обычных граждан искать адекватные стратегии выживания. Мой муж вспоминал, как в конце 1970-х годов на партийном собрании их «режимного» предприятия рассматривалось персональное дело сотрудника, якобы замеченного в систематическом пьянстве. Ситуация была критической: хорошему работнику грозило отправление в ЛТП. В ходе разбирательства выяснилось, что проживал он на Фурштатской улице (тогда улице Петра Лаврова), где в Питере традиционно размещаются иностранные консульства. Охраняющим их стражам порядка подозрительным казался даже слабый запах алкоголя. В результате, возвращаясь домой после работы и выпитой кружечки пива, человек постоянно попадал в поле зрения милиции. В ажиотаже борьбы с пьянством ему пытались навязать статус хронического алкоголика. Однако коллектив, сославшись на секретность расчетов, выполняемых сотрудником, наложил «вето» на его увольнение в течение пяти лет для сохранения государственной тайны, одновременно лишив доступа к «сов. секретным» документам. В закрытых учреждениях это означало резкое понижение служебного статуса. После собрания секретарь партийной организации в кулуарах, не стесняясь в выражениях, посоветовал любителю пива переехать в спальный район Ленинграда. Но человек все же был спасен от реальной угрозы попасть в ЛТП, которых в конце 1980-х годов в СССР уже насчитывалось более трех сотен. В них лечилось и трудилось почти 300 000 человек¹⁰⁸. Пребывание в профилактории избавляло от алкогольной зависимости не более 10% помещенных туда лиц, но судьбы ломало многим. Ведь на них стояло клеймо «сидельцев». Наряду с ужесточением отношения к алкоголикам брежневские властные структуры на 30–35% повысили цены на крепкие напитки – коньяк и водку. Народ сразу откликнулся частушкой:

Было пять, а стало восемь.
Все равно мы пить не бросим.
Передайте Ильичу —
Нам и десять по плечу¹⁰⁹.

Для большинства населения покупать алкоголь по таким ценам становилось проблематичным. В быту активно использовали всякого рода самодельные спиртные напитки, тем более что брежневская эпоха – время расцвета дачного строительства. На участках даже в северных районах страны росли яблоки и черноплодная рябина, вполне пригодные для изготовления алкоголя в домашних условиях. Однако «гражданская инициативность» такого рода могла явно нанести урон государственному бюджету. Для его пополнения власть увеличила производство низкосортных плодово-ягодных вин, доступных по цене и потому названных народом «плодово-выгодными» или «бормотухой». Самым знаменитым напитком этой серии был «Солнцедар», запечатленный и в фольклоре, и в художественной литературе. При всей гиперболизации свойств легендарного напитка и народ, и литераторы сходятся в одном – алкогольная сила его была поистине убойной. Не случайно в уста дворничихи из рассказа «Приличный двубортный костюм» Сергей Довлатов вложил фразу: «Последний (муж. – Н. Л.) за „Солнцедаром“ ушел, да так и не вернулся»¹¹⁰. «Бормотуха» поборол даже антиалкогольные запреты на продажу спиртного лишь с 11 часов. Крепость «плодово-выгодных» вин не превышала 28

¹⁰⁸ Такала 256.

¹⁰⁹ Фигурирующие в частушке цифры – примерная стоимость алкоголя в масштабе цен.

¹¹⁰ Довлатов 55.

градусов, что делало их доступными для покупателей в любое время суток. Их продажа в 1970–1980-е годы росла на 250%, тогда как водки – на 25%, а коньяка – на 27%¹¹¹. Можно смело говорить об организованном спаивании тех, кого обычно называют «простым народом», и превращении их в дешевую рабочую силу посредством системы ЛТП. Ведь представители высших слоев советского общества вполне могли купить по новым ценам и коньяк, и водку, а также приобрести в магазинах «Березка» дорогой, элитный алкоголь¹¹².

Смена политического руководства в СССР после смерти Брежнева, а именно короткое пребывание у власти с ноября 1982-го по февраль 1984-го Юрия Андропова, также ознаменовалась новым отношением к алкоголю. Я хорошо помню интеллигентские страхи тех полутора лет: боязнь новых репрессий, поводом для которых все считали попытки Андропова наладить трудовую дисциплину. За этим волнениями как-то незаметно прошло сенсационное в свете советской алкогольной политики снижение цен на водку. В продаже появилось сорокаградусное спиртное по 4 рубля 50 копеек за бутылку. До этого цена доходила до 5 рублей 20 копеек. Новый алкоголь назывался просто – «Водка». В фольклорных источниках оно расшифровывалось – «Вот он добрый какой Андропов»¹¹³. Эту подешевевшую алкогольную продукцию в обиходе к тому же прозвали «андроповкой».

Последнюю советскую антиалкогольную кампанию моя семья ощутила в полной мере. 7 мая 1985 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по предотвращению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения». А 6 июля 1985 года у меня умер отец, по современным меркам и моим теперешним представлениям – не очень старый человек шестидесяти пяти лет. Организация поминок превратилась в трагифарс: водку, согласно государственной инициативе, можно было купить только после 14 часов и в ограниченном количестве. В магазине для приобретения спиртного нас с мужем попросили предъявить свидетельство о смерти. Какое-то время назад мне казалось, что память мне изменила и такого не могло быть. Однако в книге «Советский анекдот. Указатель сюжетов», изданной в 2014 году Михаилом Мельниченко, я обнаружила следующую шутку: «Во времена Горбачева. Умирает мужчина преклонных лет. Родня спрашивает у него последнее желание: „Водочки бы...“ – „Только по справке о смерти“. – „Счастливые!“ – говорит умирающий»¹¹⁴. Мои воспоминания оказались вполне репрезентативными.

Реалии горбачевской антиалкогольной кампании – совсем недавнее прошлое, детали которого живы в памяти многих. Руководство страны объявило нелепой идею культурного, умеренного потребления спиртных напитков, тем самым посягнув на многие бытовые ритуалы и традиции (см. «ЗАГС»). В ходе горбачевской антиалкогольной кампании возникло Всесоюзное добровольное общество трезвости (ВДОБТ), куда в добровольно-принудительном порядке вступило 15 млн человек. Возродился и официальный журнал «Трезвость и культура», где печатались антиалкогольные материалы и ученых, и литераторов. Сотрудники ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, где я тогда работала, должны были принять посильное участие в трезвеннической пропаганде. Ячейку общества создали – правда, очень немногочисленную. Ее члены не очень представляли себе, чем должны заниматься. И тогда секретарь партийной организации института, талантливая и рано ушедшая из жизни Лидия Николаевна Семенова, автор блестящей книги о повседневной жизни эпохи Петра I¹¹⁵, краснея и запинаясь, предложила издать сборник статей о борьбе с пьянством в России¹¹⁶. Это был,

¹¹¹ Народное хозяйство 1986 285.

¹¹² Иванова 153–154.

¹¹³ Советский анекдот 719.

¹¹⁴ Советский анекдот 727.

¹¹⁵ Семенова.

¹¹⁶ Народная борьба за трезвость.

кстати сказать, один из первых опытов обращения академических ученых к истории девиантного поведения, хотя авторы о таком понятии и не слышали. Участвовала в этом сборнике и я, хотя и не вступила в члены ВДОБТ.

Объем производства винно-водочной продукции сократился вдвое. В стране вырубались уникальные виноградники. Создается впечатление, что горбачевская антиалкогольная кампания была направлена на разрушение государственной монополии на производство и торговлю спиртным. Винные магазины открывались в 14 часов, люди получали увечья в огромных очередях за водкой, которая становилась «второй валютой» в СССР. Одновременно в стране ввели талоны на спиртное. Самогоноварение росло в гигантских масштабах, что привело к перебоям в поставках сахара. Резко увеличилось потребление спиртосодержащих жидкостей: лосьона, клеев, одеколонов. А главное, в СССР появилось огромное количество «паленой водки» – своеобразной «бормотухи» эпохи перестройки.

Волосатик

Волосы и власть: протест и контроль

Слово «волосатик», конечно же, не является советизмом. Согласно академическому «Словарю русского языка», так именуется «паразитический водяной червь, похожий на волос», а также «горный хрусталь или аметист с волоконообразным строением»¹¹⁷. Однако в годы брежневского застоя биологическое и минералогическое толкование слова дополнилось социально-эстетическим. Согласно словарю-справочнику новых слов и выражений, появившихся в советской подцензурной лексике 1970-х годов, «волосатик» – это мужчина, а чаще юноша с длинными волосами. Слово употреблялось в разговорной речи и выражало неодобрительное отношение к человеку с подобной прической¹¹⁸. В повести Василия Шукшина «Печки-лавочки» (1969) главный герой в письме к своим деревенским родственникам с явным пренебрежением сообщает: «Видел я также несколько волосатиков. Один даже пел у профессора песню. Вообще-то ничего, но... профессора коробит. Меня тоже»¹¹⁹.

Действительно, термин «волосатик» стал маркером бытовой аномалии, порожденной дисциплинирующими практиками советской власти в сфере телесности вообще и области причесок в частности. Идея регламентации внешнего облика – не изобретение большевиков. На протяжении всей мировой истории в качестве важных составляющих человеческого тела-текста рассматривались не только руки, ноги, шея и т. д., но и волосы¹²⁰. Их значимость и знаковость оценивалась с функционально-предметной и технико-гигиенической точек зрения. Форма причесок или бород, нарочитая демонстрация или тщательное сокрытие шевелюры всегда обозначали общественный статус, пол и возраст, уровень сексуальной и даже политической активности. Ритуальность и общественный смысл можно усматривать и в технологии парикмахерского искусства (стрижка, укладка, завивка, окраска), и в особых приемах гигиены, хотя здесь скорее сказывается уровень развития техники и химии, а также бытового комфорта. И все же советские государственные и идеологические структуры внесли своеобразный дисциплинирующий вклад в практики отращивания/обрезания волос и ухода за ними. Специфика же властного дискурса в отношении причесок и бород во многом зависела от изменений сущности социально-бытовых ценностей на конкретном историческом этапе развития Страны Советов.

Приход большевиков к власти в России хронологически почти совпал со всплеском моды на короткие женские прически, хотя, конечно, стриглись женщины и раньше. Так, в 20-х годах XIX века появилась прическа «а-ля Титюс» – короткие туго завитые локоны. В 1860–1870-х годах коротко стриглись молодые российские «нигилистки». Но массовый «постриг» женщин и в Европе, и в России пришелся на 1910–1920-е годы¹²¹. Обусловили новую моду «а-ля гарсон» эмансипация женщин, вовлечение их в производственные процессы и активную общественную жизнь. Но не менее важным был и модный статус стрижки, ее своеобразная роскошь. Американский исследователь С. Здатни пишет: «То, что женские прически стали короче, не означает, что они делались проще или дешевле. Напротив, *cheveux courts* требовали постоянного ухода и регулярных визитов в парикмахерский салон»¹²².

¹¹⁷ СРЯ 1:206.

¹¹⁸ НСИЗ 1984 139.

¹¹⁹ Шукшин 287.

¹²⁰ Подробнее см.: Ильин; Констебл.

¹²¹ Дзеконьска-Козловска 51, 153–155.

¹²² Здатни 91.

В Советской России стиль а-ля гарсон в целом и сопутствовавшие ему короткие, хорошо уложенные волосы у женщин прежде всего ассоциировались с «нэпманским шиком». В рассказе Алексея Толстого «Гадюка» (1928) есть описание остромодной в 1920-х годах прически, технологию создания которой героине рассказа объясняет соседка по коммунальной квартире, дама явно непролетарского происхождения: «Стричь... сзади коротко, спереди с пробором на уши...»¹²³ В соперничестве с дочерью американского миллиардера Вандербильда Эллочка Шукина из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» (1928) обрезает прекрасную черную косу и перекрашивается в рыжий цвет¹²⁴. Пантелеймон Романов в романе «Товарищ Кисляков» (1927–1930) неоднократно привлекает внимание читателя к прическам женщин. Они появляются «с модно стриженными волосами» или «по-модному подстриженные, с напояженными кончиками загибающихся у висков волос»¹²⁵. Стиль а-ля гарсон захватил и моих бабушек. Никто из женщин по папиной и маминной линии не мог похвастаться густыми и пышными локонами. Может быть, поэтому все с удовольствием стриглись.

Многие атрибуты нэпманской моды (узкие короткие юбки, блузоны с искусственным цветком или ниткой жемчуга, завязанной углом, яркая губная помада, туфли на высоких каблуках и т. д.) подвергались осуждению идеологических структур¹²⁶. Но короткая стрижка, знаменитая «буби-копф», была как будто вне критики. В традиционных исторических источниках – в документах государственных и партийных органов, в периодической печати и даже в воспоминаниях – нет данных об осуждении коротких женских причесок в 1920-х – начале 1930-х годов. Это можно, скорее всего, объяснить тем, что стрижка волос рассматривалась и как некий социальный акт отречения от прошлого, старого, рутинного. В России общие индустриально-урбанистические тенденции усилились социальными катаклизмами революции и Гражданской войны. Новая женщина Страны Советов, таким образом, просто и легко восприняла моду на стрижки – неперенный элемент стиля а-ля гарсон, популярного в мире в первой четверти XX века. Конечно, возникает вопрос, как выглядели эти прически без участия парикмахера. Трудно представить себе, что активные партийки и комсомолки проводили много времени в тогдашних салонах красоты. Неудивительно, что стрижка и как маркер революционности, и как эстетический эталон хорошо выглядела на женщинах с вьющимися от природы волосами. Эту ситуацию зафиксировала художественная литература 1920-х годов. В романе Николая Островского «Как закалялась сталь» (1930–1934) у коммунистки Риты Устинович «шапка непослушных волос окаймляла загорелое лицо»¹²⁷. Лелька Ратникова – героиня романа Викентия Вересаева «Сестры» (1928–1931) – «украшала весь взвод стройной своей фигурой в юнгштурмовке и хорошенькой кудрявой головой»¹²⁸. Стриженные воронные кудри и у Сани Ермаковой – «первой девушки» из одноименной повести Николая Богданова (1928)¹²⁹. Детали такого рода в литературе 1920-х, как представляется, реабилитировали модные устремления «новых женщин», а также способствовали отмежеванию коммунисток и сознательных пролетарок от стриженных нэпманских модниц. Создается впечатление, что властные и идеологические структуры принимали форму прически а-ля гарсон, но осуждали необходимость ее «парикмахерского» оформления. Критике, если судить по комсомольской и сатирической печати 1920-х годов (журналы «Крокодил», «Бегемот», «Смехач», «Красный ворон»), иногда подвергались разные виды завивки, так как на это надо было тратить время у парикмахера – в ущерб общественно-полезной деятельности.

¹²³ А. Н. Толстой 1:318.

¹²⁴ Ильф, Петров 1:216.

¹²⁵ Романов 324, 483.

¹²⁶ Подробнее см.: Кирсанова 1997; Лебина 1994; Лебина 1999b.

¹²⁷ Островский 1:199.

¹²⁸ Вересаев 1990 294.

¹²⁹ Богданов 258, 271, 292.

Мужские прически, как, впрочем, и форма бород, усов и бровей, тоже не привлекали большого внимания идеологических структур. Но иногда в комсомольской печати и художественной литературе 1920-х можно встретить критические замечания по поводу молодых рабочих пареньков, отращивавших буйные чубы «а-ля революционные матросы» и в то же время не соблюдавших элементарных правил гигиены. Владимир Маяковский в пьесе «Клоп» бичевал Пьера Скрипкина (бывшего комсомольца Присыпкина) за баки «как хвост у собаки», к тому же еще и невымытые. А в романе Вересаева «Сестры» отрицательный герой – парень с подбривными бровями и дурно пахнущими грязными ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.